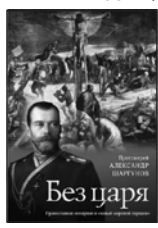

Шаргунов Александр, протоиерей. Без царя. Православная монархия и "новый мировой порядок". — М. : Отчий дом, 2024. — 560 с.

НОВУЮ книгу известного православного проповедника, настоятеля храма Святителя Николая Мирликийского в Пьяках, главы общественного комитета "За нравственное возрождение Отечества" можно назвать в каком-то смысле итоговой, обобщающей многолетнее стояние её автора "За Веру, Царя и Отечество". Сам отец Александр указывает на связь этого своего труда с предыдущими работами "Царь" и "Чудеса царственных мучеников", но её тематика, как явствует из подзаголовка, вписана в более широкий контекст — противостояния Русской православной церкви и Государства Российского "новому мировому порядку", который всячески продвигает нынешним постхристианским и антихристианским Западом. Исходная позиция автора проста и понятна: "Я, современный человек, могу принять только такое объяснение жизни и истории, которое позволит мне стать лицом к лицу с реальностью смерти и превзойти её".

В глобалистских концепциях, подаваемых как последнее слово человеческого познания и прогресса, Александр Шаргунов находит — ничто не ново под луной — прежде всего более-менее замаскированные "современной" псевдонаучной терминологией известные ереси: арианство, манихейство, пелагианство и т. д., а также нехристианские воззрения типа гностицизма или иных религиозных учений. Знание (гнозис) должно прежде всего согласовываться с верой — не самое ныне популярное и признанное обществом утверждение, которое тем

ВЫШЕ ВРЕМЕНИ

не менее провозглашается автором книги: "Некоторые религиозные мыслители даже считают, что наука должна была бы оставаться на том уровне, на каком она была в момент пришествия в мир Христа... В той мере, в какой наука занимает непропорционально большое место по отношению к познанию человеком истины в том, что мы называем подлинной мудростью, она с неизбежностью ведёт мир к катастрофе. Где же выход? На что надеяться человечеству?... Ожидая спасения от науки, человек отвергается от единственно истинных средств спасения".

Речь здесь идёт не только о вероятности термоядерного армагеддона (разговоры о третьей мировой войне стали уже общим местом актуального военно-политического дискурса), но и про такие вполне реальные достижения науки XXI века, как рукотворные смертоносные инфекции (первой попыткой создания и распространения которых ряд исследователей признаёт недавнюю пандемию COVID-19), создание искусственного интеллекта и т. д., включая вроде бы "безобидное" клонирование живых организмов, применительно к человеку разрушающее его индивидуальность и генетическую связь с предшественниками и последующими поколениями. "Клонирование должно быть безусловно запрещено как преступление против человека... Это преступление заслуживает самого сурового наказания, оно должно быть преследуемо во всех странах, и апология его запрещена под угрозой тюремного заключения, — пишет Александр Шаргунов и, обобщая, делает следующий вывод: — Со-

временный мир отказывается даже допустить, что может существовать запрещённое знание и что оно может быть получено с помощью существ, ищущих нашей конечной гибели". Реальность бытия таких существ, "духов злобы поднебесной", тоже отвергается современной наукой как отсталые предрассудки непросвещённого прошлого, хотя в рамках традиционных религиозных представлений, не только православных и христианских, она беспорна, а "величайшая уловка дьявола состоит в том, чтобы убедить вас, что он не существует" (Шарль Бодлер).

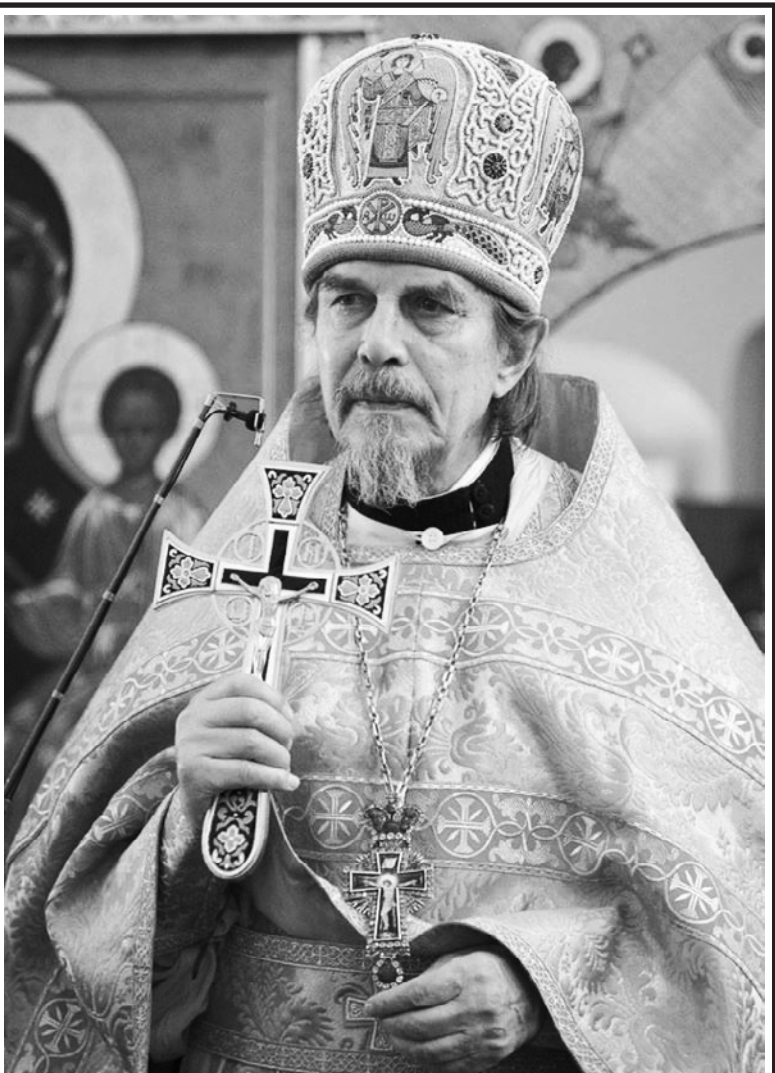
Тем не менее практически все реалии "нового мирового порядка", пока наиболее полно описанные экс-главой Давосского форума Клаусом Швабом в книгах "Четвёртая промышленная революция" (2016 г.) и "COVID-19: великая перезагрузка" (2020 г.) удивительным образом совпадают с тем, что в рамках этих традиций характеризуются как сатанизм.

АВТОР специально делает акцент на том, что "судьба человеческого времени" и связана с целью, абсолютно превосходящей земные интересы...

Власть, построенная на христианских основах, помогает наибольшему количеству людей достигнуть своего конечного предназначения", и хотя "все человеческие дела, и среди них устройство жизни и общества на христианских началах, в конечном счёте с неизбежностью обречены на поражение", нельзя говорить о христианстве, и прежде всего о христианстве православном, "с точки зрения чисто земной, содействует ли оно внешнему про-

цветанию или ведёт к упадку", поскольку временные дела мира сего обретают своё истинное значение и его понимание только в контексте абсолютной субъектности.

Эта мысль Александра Шаргунова полностью вытекает из ортодоксальной (православной) картины мира и перекликается с известной сентенцией Владимира Соловьёва, разбору философии которого неслучайно уделено несколько главок книги "Без царя": "Идея нации есть не то, что она сама о себе думает во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности". Точно так же неслучайно один из разделов второй части книги — авторских размышлений о православной монархии и последнем русском царе — озаглавлен: "Самое великое поражение и самая великая победа". Александр Шаргунов не только утверждает свои убеждения: "Нет радости у народа нашего — и не будет, пока не обретёт он покаянием способность принять истину, потерянную им. И это в первую очередь зависит от того, как наша Церковь, каждый из нас в Церкви, празднует память святых царственных мучеников и всех новых мучеников и исповедников Российских, — но и проводит прямую линию духовного противостояния злу от Николая II до наших дней: — Наши враги хотят создать новый мир по своему бесчеловечному подобию. Поэтому для нас отстоять независимость нашего Отечества — значит защитить всё человечество от уничтожения... Смысл нашего сегодняшнего противостояния Украине и всему постхристианскому Западу прежде всего духовный. Потому что то, что

Протоиерей Александр Шаргунов

наши враги сделали с Украиной, они мечтают сделать и с нами. И они небезуспешно достигали этого в девяностые годы прошлого века не имеющей границ пропагандой насилия и разврата". Можно ли сказать, что мы преодолели все последствия такой пропаганды?

Владимир ВИННИКОВ

Колташов Василий. Византийская ночь III. Возвышение и мир : роман. — М. : Вече, 2025. — 576 с.

ЖЕЛАЕТЕ совершить путешествие в Константинополь 596 года? Хотите узреть цветущую Александрию и Карфаген, разорённые варварами Рим и Афины, двор базилисева, его семью, погрузиться в интриги высшей бюрократии, узнать поближе сенаторов и верхние классы города, патриархов и монахов, черп и опасных сектантов, партии иподомов, евнухов, стратегов, букеллариев, лангобардов, аваров, склавов, готов и персов? Какие мысли владели людьми в то время? Что будоражило их чувства? Как они любили и боролись в век наследников Юстиниана Великого, когда империя была сильна и снова обширна, хотя и стояла у края "Тёмных веков"?

Романов о Византии немного. Эпопей, с охватом сложности политики и особенностей частной жизни, до последнего времени не было вовсе. Сколь ни была притягательна империя Второго Рима, задачу такую никто не брался решить. И вот такая эпопея есть. Вышел уже третий роман серии "Византийская ночь". Его автор — известный экономист и специалист по циклам истории Василий Колташов, увлечённый византийской темой с юности. Эпопею о 576–602 годах он задумал ещё в период жизни в Греции, где собирал материал для книги. Начал писать

Но постоите. Разве то не было мрачное время ранних Средних веков? Нет. Учебники истории обманывают нас, ибо император Юстиниан восстановил Римскую империю, и только в VII веке случится катастрофа, которая и будет означать ночь для Византии. Держава, подточенная чумой 597–599 годов, сожмётся под ударами арабов, славян, аваров и булгар. А на страницах романа она жива, и герои борются за её будущее, сознавая многие опасности. Сознаёт их и император Маврикий. Каким миром управляет этот базилисев? Благодаря войнам Юстиниана Новый Рим контролировал Северную Африку, Италию, юго-восток Испании и свои "старые провинции" от Дуная до Египта. Короли варваров получали патрицианский титул от императоров. Средиземноморская торговля была под римской властью. Однако севернее Дуная копились новые враждебные силы, а персидская династия Сасанидов оставалась врагом, даже если действовал мирный договор. Удивительное и сложное было время — эра сохранения ещё силы античной мысли и страсти, а с этим — и дивных характеров.

Выход художественной книги о Византийской империи — всегда событие, особенно когда она хорошо написана, красиво издана и способна держать внимание каждой своей строкой. Да и много ли у нас романов о Византии той поры? Лишь сказочно-заговораживающая "Русь изначальная" Валентина Иванова и есть из серьёзных работ. Про славянскую древность теперь издано много фэнте-

СВЕТ ВИЗАНТИИ

в 2007 году. Первая книга была издана в 2021 году. Вторая — в 2023-м. Третья вышла теперь.

"Славяне во Фракии" — первая книга, доступная и в аудио. В ней речь идёт о времени первого натиска славян, ведомых отважным князем Давритой, на земли Византии. Здесь начинается история беглого мальчика-раба Амвросия, которого берёт на воспитание италийский сенатор — изгнанник Валент, случайно попавший за Дунай вместе с наёмниками-варварами, изменившими императору. Кульминация первой книги — нашествие аваров на землю склавин.

Во втором романе, названном "Против аваров и Сасанидов", поток событий переносит юного Амвросия из аварской Паннонии на римский Восток. В Сирии и Месопотамии он проходит школу солдата и узнаёт место человека в империи, где нет равенства, много несправедливости, трудностей для любви и дружбы, зато есть богатство культуры и множество загадок.

ИВОТ опубликован третий роман — "Возвышение и мир". Он охватывает годы относительно мирного мира, когда Второй Рим не воюет более с персами, стремится достичь соглашения с лангобардами в Италии и частью славян на своей земле. Центральная тема книги — борьба главного героя Амвросия в петле интриг, убийств и политической вражды за возвращение высокого положения своего рода в Константинополе. А начинается всё в Александрии. Отсюда двое молодых выпускников военной школы, кандидаты Амвросий и Ваган, отправляются в путь. Один из них отплывает в Африку и Италию нотарием сановника-евнуха, другой — комесом на войну против склавин.

зийного и псевдоисторического, не всегда заслуживающего внимания из-за банальности замысла и переживаниям вопреки цветастой обложке.

Почему тогда надо читать исторические романы, да ещё созданные в наш век? Прежде всего потому, что исторический роман — это зачастую знак качества в прозе, когда книга пишется не за месяц, а несколько лет как минимум. Этим производится работа над внутренним складом персонажей и сюжетом в духе живописуемой эпохи, чего не требуется в чисто коммерческих жанрах.

Беда современной литературы в том и состоит, что она опустилась до штампового однотипных изданий с яркими обложками. Считается, что читатель не достоин и не желает большего, не требует глубокого проникновения автора в сложный материал. Ему нужны попаданцы, эльфы и драконы, войны звездолётов, жуткие инопланетные чудища и brave спецназовцы в простеньких повестях.

Впрочем, нет! Искусный читатель в наши дни желает реализма ощущений и времени, силы передачи момента, логичности сюжета и подлинности характеров людей, сталкивающихся в борьбе.

В историческом романе всё должно давать нам вкус присутствия и дарить сильные, обогащающие душу переживания и идеи. Здесь нужен не шаблонно-декоративный, а затрагивающий все струны души конфликт. И человек в нём. Удалось ли автору "Византийской ночи" достичь всего этого, заставив читателя пережить сильные моменты и о многом задуматься? Думаю, да. Но пусть каждый оценит сам.

Екатерина КОЗЮРА

БЫТЬ ВОИНОМ

Он выбрал подвиг. Герой СВО Юрий Викторович Земцов глазами современников и через призму Памяти Рода / ред.-сост. Н.Ю. Земцова. — М. : Книжный мир, 2025. — 322 с.

В КАКИЕ-ТО жизненные моменты понимаешь правоту сказанного поэтом:

Это нужно — не мёртвым! Это надо — живым!

Читая книгу "Он выбрал подвиг", ещё и ещё раз убеждаешься в точности этих слов. Данный труд — о безбрежно, в 47 лет, ушедшем защитнике Отечества: "30 июля 2023 года в бою под Артёмовском (Бахмутом) героической смертью погиб Юрий Викторович Земцов. Не мобилизованный, не профессиональный военный, даже не служивший срочную службу. На фронт Специальной военной операции он ушёл добровольцем". Иконописец, философ, преподаватель, мыслитель. Воин духа — воин поля боя.

Кого мы видим в СМИ дни и ночи? Пятецев. Целые династии. Дед, отец, внук, уже и правнук — изображатели героев и негодяев, честных и лживых. И удивительно, что от честных и справедливых своих изображаемых персонажей они не берут ничего в настоящую жизнь — вне сцены, экрана и кулис. А вот лживость, приспособленчество, сибаритство нынешних "героев экранов" охотно вносят в нашу жизнь, заражая общество дурными болезнями бездуховности.

Но страна жива потому, что есть и другие династии. Героев, воинов. Юрий Земцов — племянник известного журналиста и писателя, участника сопротивления в Югославии, в Приднестровье Бориса Земцова. Династия борцов не только за свою страну, но и за други, за братья свои.

В книге — воспоминания родных, товарищей, однокурсников, учителей, учеников, друзей, коллег, учёных, священников, общественных и государственных деятелей. Перед нами — реальное социологическое исследование, срез нашего общества. Представлены все социальные слои. Каждый нашёл свои особенные слова, и из отдельных штрихов складывается цельный образ, портрет человека. Каким был, каким стал. Каким войдёт в историю, пополнит синодик певцов, художников, иконописцев во стане русских воинов. И все отметили роль (и немалую) Юрия в их жизни, формировании мировоззрения.

Открывают книгу воспоминания мамы — Натальи Юрьевны, ветерана легендарного флагамена обороны промышленности страны Конструкторского бюро приборостроения города Тулы. Скуп и исчерпывающе. Сдержанные, сухие строки, от которых — слёзы на глазах. Каким милым ребёнком, нежным, добрым, доверчивым, увлекающимся был. Но при этом: "Убеждённости, преданности делу, жёсткое следование этим принципам и готовность к жертвенности на различных этапах пути — вот Линия Жизни, которой мой сын никогда не изменял".

ПОСТРОЕНИЕ книги подсказывает читателю основную мысль того или иного очерка, вынесенную в подзаголовок. Так, в статье "Ушёл в бой, а затем в вечность" протоиерей Матвей Валуев пишет: "Русский Мир могут закрывать грудью только настоящие мужчины!" Писатель В.В. Щетлов в работе "Воин света" от-

мудрую, да с котом её — а кот вечный, из сказки в сказ кочующий, да с ним отношений не наладишь — всё прахом пойдёт. Из окошка нашей обыденности выглянешь — суета-маета, тщетой переверита, в око злое телевизора глянешь — всё шоу сплошные да словес потоки пустые, а тут в окошко любой страницы Соляной посмотреть — расписное всё да волшебное, и ушербного ничего, и целостность сказов отменная: каждый в руку можно взять, что камень самородный.

Да, целостность! Именно такое ощущение — слитности своеобразного стиля и глубокого содержания дают рассказанные, спетые даже как будто, повествования писательницы. Они мелодичны. Верный тон, выверенные, как ноты, слова, одно к одному ложится...

Млеко приятно пить — телу полезно. Сказ приятно читать — душе питателен. "Лапа ошукья" стучнет по страницам... Кто таков? А медведь белый: шуба переливается, как снег. Да сначала об Ефимушке будет; да наряды так перечислены, что огнём играют: "Достала из сундука свой сарафан из крашенины, шушун из китайки и парчовую повязку на волосы. Ефимушка нарядилась — краше солнышка стала". А превращений сколько прядёт, и что грустны будут — что ж... Лапа ошукья помогла мужу Ефимушки в охоте, да пропал он однажды, и ждала-сохла жена, пока на колдовстве не решилась. Пропала тож... Видели потом: ковылял ошукй о трёх лапах, а с ним подруга его — таковы сказовые превращения...

ЩЕМАЮЩЕ-ГРУСТНЫЕ ноты раздаются порой в начале сказов... Хотя теплы и такие, грустью пробитые, теплы родные, не перечить им — внимать, да думать, да на ус мотать...

мечает: "Такие люди, как Юрий Земцов, и составляют духовный и нравственный оплот России". И эта мысль затем развивается, утверждение подкрепляется примерами. Иконописцы Марина и Александр Бородавкины: "Будучи отцом троих детей и человеком абсолютно мирной профессии, он принял добровольное решение об участии в СВО".

Уход на фронт не был сиюминутным порывом, эмоциональным всплеском. СВО уже шла, и не так гладко, как заливхастски обещали: три дня — и сим победиши. Шапками закидывали языкомполтителги, телевизионные борцы за всё хорошее против всего плохого, обещали обещания "слуги народа" (как показала действительность, мигрантского народа).

И уже было понятно, что это война. Жестокая, кровопролитная, жертвенная. И пойти добровольцем именно тогда, когда стране особенно тяжело, — это был продуманный, взвешенный шаг Юрия. Как вспоминает его земляк, друг, участник СВО Максим Чичкин (позывной Жрец), Юрий вдохновлялся подвигами русских воинов и погиб на передовой не отступив, не дрогнув.

Знаменательно, что первой созданной Юрием иконой была — Георгий Победоносец. Её он написал будучи отроком, в 16 лет, на обложке доски, подобранной после ремонта фамильного дома Земцовых.

Понять жизнь и душевные порывы Юрия поможет его очерк "О роде Земцовых в истории тульского старообрядчества", помещённый в книгу. Родовая память — это кладёшь. И каждый из рода наполняет его своими деяниями, добрыми ли, нет ли. Или же, ничем не наполнив родовую чашу, ничего не внеся, вычерпывает, а то и отравляет. Юрий наполнил деяниями благами. Иконы его письма украшают храмы Москвы, родной Тульской области, Калужской, Ярославской. Он получил и мировое признание, участвуя в международных конкурсах и форумах.

НА ОБЛОЖКЕ книги — фотография Юрия на фоне эпитафии, памятник надписи, выбитой при входе в Покровский храм города Тулы: "Иконы в иконостасах выполнены иконописцами под руководством Юрия Викторовича Земцова". Его имя высечено в камне в буквальном смысле этого слова.

Это надо нам, живым. Знать: герои — не прошлое, не только отцы и деды. Это настоящее — братья, сыновья.

Подвиг матери — создание памятника сыну — книги воспоминаний. Ведь когда читаешь все эти проникновенные слова, у тебя сердце болит — какую часть себя потерял народ! А какова матери не просто читать, но работать над текстами, когда каждое слово — на разрыв?! Матери бойцов СВО — и воюющих, и вернувшихся, и тех, кто не вернётся никогда, — это матери-героини. Каждая достойна романа, оды "Мать".

Завершает книгу, как навершие, слово Бориса Земцова "Очень личное фамильное послесловие". Прочитав его, понимаешь многое, в том числе получаешь ответ на вопрос многих премудрых пскарей "Почему рванул на фронт?" Ведь не был обязан, не подлежал... "Потому что — русский, потому что — православный, потому что — Земцов!"

Победа будет за нами. Но Победы не будет без нас, сражающихся за эту Победу. Если не я, то кто же?

Со святыми упокой... С теми, чей образ запечатлел Юрий на иконах, донесе до нас эти лики. Мы видим их такими, какими узрел своим внутренним оком святописец Земцов.

Екатерина ГЛУШИК

Соляная Ирина. Поморские сказы : сказы, сказки и былички. — Волгоград : Перископ-Волга, 2024. — 108 с.

КАК ЖАЛЬ, что древняя народная культура уходит в небытие, сказки из афанасьевских сборников, сборников издательства "Академия" 1930-х годов под редакцией М.К. Аздовского, А.Н. Нечаева и т. д., исследования В.Я. Пропла уходят в филологическую среду. И как радостно увидеть новый выпуск сказок.

Ирина Соляная — поэт, писатель, юрист из Воронежа — отважилась издать сборник "поморских сказок", которые, как кажется, питают и её музу автора современных фэнтези. Ирина живёт в городе Калаче, как будто бы в сказке. Листая сборник поморских сказок, я поймал себя на мысли, что соль, сверкая белизной крупиц, ассоциируется с сутью, сущностью, сердцем явления, звучание и течение сказок — с медовой густотой...

"Поморские сказы", исполненные Ириной Соляной, строятся именно так — солевая суть и мёд льющейся речи, густой, обволакивающей, включающей и мудрость, без навязчивой дидактики, и народный юмор, играющий оттенками смыслов, и занимательность, необходимую в подобном словесном деле... Волшебные узоры Бориса Шергина, знаменитого мудреца северного сказы, вспоминаются; самовитая речь Андрея Платонова, обрабатывавшего сказки в своей манере, мерцает где-то неподалёку; но Соляная предлагает свои варианты — речи, мировосприятия, постижения глубин яви...

ВОТ РАЗВЕРНЁТСЯ "Сказ о волшебных узолах" — развернётся такною сказочной, испещрённой знаками

СОЛЬ И МЁД

сложными. И мальчонка именем Прокотка, объявившийся в деревне Злыднево и прибавший к вдове нахлебником, как станет в возраст входить, так и объявится шелонником пропащим...

Прелесть диалектизмов завораживает, противореча современному технологическому воплю. Они — словно брызги водички живой, а что шелонник — это хулиган, узнаем, и сноски покажет, и дальнейшее повествование покажет. А шелонник-то непорочно окажется — дар к малеванию высветлит жизнь его. Тут и иллюстрация истати будет: засверкает узорами белизны, мелькнёт внутри ошлек — тайный сказочный гость...

Атмосфера, создаваемая Ириной Соляной, завораживает амбивалентностью: с одной стороны, как будто порада жизни везде, какая бы ни была — шероховатая или пряничная, с другой — сказочность распускает крылья, и перышко каждое будто испещрено узором дивным.

Свернёт "Сказ о северном сиянии" — пышностью блеснут льды и краски зимы... Она белая? О, нисколько — волшебная была, с синевой и красными высверками, а то на заднем плане изумруд блеснёт, и представится, сам Павел Бажов благосклонно в центры сказов, предложенных Соляной, заглядывает, не морщится — улыбается, детски, по-доброму.

Образец стилистики — весьма характерной, точно из снега и хлеба, странное сочетание, да в сказках всё так — волшебнo, неповторимо. Непоравимо? Ну

да — как было, так было, не переписать, не переделать, и речь льётся, радуя основательностью своей тайны: "Жила в старые года на краю света Зима. До чего красива была — слов не хватит описать, но нравом крута и неговорящая. Иной раз лишь глазами зрыкнет, а земля льдом покроется, избы наполопал трескаются, а гнус амбарный к зерну примерзает".

Поморы, устав от лютости зимней, к ведунье Мавре идут — зиму бы усмирить, а та посмеётся только: "Ишь, удумали чего! Живите и терпите..." Хорошо ль, плохо, да только вшифровано терпенье в долю такую — поморскую, рыбацкую... И зима, связавши шаль снежную — вы дивом! представьте переличателю! — полюбит банюшка слепого да голос ласковый да песни сладкие...

Сладкая речь. Узорочье письма — выходящее и льющееся, метафизика народная... Какова она, если перелгать в словесные формулы? И о терпении в том числе, и о немногословии, мол, сыпать словами — праздно силы тратить, и о доле работной, труде вечном, да всё вместе русским потаённым стоицизмом смазано. Лучшие сказы слушать... Шаляма волшебными полетят, северным сиянием замерцают да красотой природной одарят так, что только сердце умирительно-благодарно сожмётся, замрёт, новых сказов требую. И развернутся они, россыпями словес посверкивая... Про тещенку зло-

Плотно наполненная волшебством речи книга сказов Ирины Соляной лучится счастьем жизни, требуя прочтения, внимания к себе, требуя сердец — добрых да отзывчивых... Ведь сказ, сказка — не про то, что было, а про то, что есть и будет!

Александр БАЛТИН